

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

***Беззаконное
правосудие***

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Художественное оформление серии *В. Щербакова*
Иллюстрация на обложке *В. Нартова*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Беззаконное правосудие / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-229584-3

Полковник МВД Лев Гуров ведет расследование смерти Екатерины Слепневой, поклонницы таланта жены сыщика, известной актрисы. Не пропускавшая ни одного спектакля, заядлая театралка неожиданно не пришла на последнюю премьеру. Позже выяснилось, что она покончила с собой. Следствие установило, что причиной самоубийства стала измена сожителя Слепневой: рядом с трупом нашли фотографии, где он запечатлен в объятиях соперницы. Но мужчина все отрицает. Гуров узнает, что за несколько дней до смерти Слепневой при странных обстоятельствах погиб ее первый муж, с которым она была в разводе. Чуть подсказывает сыщику, что между этими происшествиями есть какая-то связь. Он решает заглянуть в прошлое этой странной пары...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-229584-3

© Макеев А.В., 2026
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ПРОЛОГ

В отличие от многих, весна в его душе не вызвала радости, ликования или какого-то неземного воодушевления. А вот прилив сил ощущался. Он всегда был готов в это время горы свернуть. Но не ради любви или в стремлении за какой-то призрачной мечтой. Весна уже долгие годы будила в его сердце лишь холодную ненависть, и на этот раз он точно знал, как ее использовать. Внешне спокойный и даже благодушный, он оставался тайной для всех, и никто бы никогда не смог заподозрить, что в этот вечер он не просто прогуливался по городу, наслаждаясь весенним теплом и пением птиц, а шел убивать. И мысль об этом вновь и вновь вызвала на его лице чуть кривоватую усмешку.

Темнело в конце марта уже достаточно поздно, но свет не был его врагом, и он не искал союзника в темноте. Мужчине, который сам себя назвал «Каратель», было безразлично — вершить свое собственное правосудие

под присмотром луны или под пристальным взглядом солнца. Он не прятался в потемках, не искал укрытия в тени и не крался в темноте, сторонясь освещенных участков. И не только потому, что считал свои поступки верными, а свое право — единственным. Он продумал все, до самых небывалых мелочей, и был абсолютно уверен в том, что никто и ничто помешать ему не может. И если бы Каратель верил в Бога, он бы сказал, что Всевышний ведет его и направляет руку.

Вот только те зачатки веры, которые родители зарождали в его душе в далеком и почти нереальном детстве, он давно растерял. Мужчина был уверен в том, что если Бог и существует, то давно забыл об этой грязной планетке под названием Земля и о тех двуногих червях, которыми он этот мир населил. А может, Бог просто оказался не бессмертным и умер с помощью таких людей, какой была его сегодняшняя жертва. И если это так, то право сильного, которое стало неотъемлемой частью его философии, давало ему возможность самостоятельно карать и миловать. Миловать или карать!..

Впереди него в немногочисленном сквере на раздувшихся ногах ковыляла старушка с двумя большими пакетами в руках. И он постепенно, не торопясь, ее догонял. Скорее всего, у пенси-

онерки больное сердце, которое и спровоцировало такой сильный отек конечностей. Но это мужчина отметил лишь краешком сознания, как одну из мелочей, которые он никогда не упускал из виду. Его больше волновал вопрос, как обойти старушку, двигавшуюся прямо по центру пешеходной дорожки и явно не собирающуюся прижиматься к одному из краев. И он подумал, что стоит сделать: обогнать пенсионерку по газону или все же нужно заставить ее уступить дорогу? И в этот момент ручка одного из пакетов пожилой женщины оборвалась, и на землю посыпались продукты.

«Пакет майонеза за сорок рублей, пара луковиц рублей за десять, батон хлеба за тридцать, пачка вермишели, это еще сорок рублей, картошки килограмма два, еще семьдесят», — машинально отметил Каратель те упавшие продукты, которые попали в его поле зрения, и бросился вперед, чтобы помочь пенсионерке их собрать.

Он не был человеконенавистником, хотя и считал большинство людей никчемными существами, намного худшими, чем крысы и тараканы. Он еще помнил те далекие времена, когда его учили уважать старших и помогать слабым. И отголосок этих уроков, словно генетическое уродство, сидел в его сознании, иногда пробуждая жалость к беззащитным

и беспомощным. В такие моменты мужчина помогал мамочке поднять детскую коляску на ступеньки, уступал место в автобусе беременной, придерживал дверь, позволяя спокойно пройти груженной сумками многодетной мамаше, или, как сейчас, поднимал для посторонних с земли выроненные вещи. И поэтому соседи считали его вполне воспитанным и отзывчивым человеком, и это полностью соответствовало тому образу, который он себе создавал. И никто даже предположить не мог, что внутри мужчины живет Каратель.

— А ну, не трожь ничего, ворюга! — неожиданно закричала старуха, когда мужчина поднял с земли пакет майонеза. — Какого черта мои продукты хватаешь? Я на последние копейки все купила, а ты обокрасть меня собрался? Сейчас милицию позову!

Каратель бросил пакет обратно на землю.

— Нет уже никакой милиции, дура старая. — Он презрительно выплюнул из себя эту фразу, уже проклиная ту потребность помогать, которую вдолбили в него в детстве. — Я тебе помочь хотел, карга. А теперь корячься сама, ползай тут на четвереньках, собирай все с земли.

— Без тебя справлюсь, помощник хренов! — крикнула в ответ старуха, и на этот раз агрессия в ее голосе переплелась с растерян-

ностью: «А может, зря я так с ним? Ведь тяжело же нагибаться мне будет!»

Впрочем, ни эта фраза, ни мысли старухи, которые легко угадал мужчина, для него уже ничего не значили. Он прекрасно умел переключаться между эмоциями, загоняя в глубь сознания те, которые считал в настоящий момент неуместными. Инцидент со старухой никак не мог повлиять на осуществление его плана, но чувство обиды способно исказить восприятие реальности, а это было недопустимо. Именно поэтому сразу после того, как Каратель повернулся к пенсионерке спиной, она перестала для него существовать. И последним отблеском сознания относительно этого эпизода была мысль: «Вот поэтому большинство людей не заслуживает ни жалости, ни сострадания. Вот поэтому распоряжаться, кто будет жить, а кто — умирать, должен только тот, кто имеет силу!»

Каратель прекрасно понимал, что то, что он собирается сделать, большинство людей расценят как преступление. Именно поэтому продумал все до мелочей, чтобы не оставить после себя никаких следов и не дать полицейским поймать себя. Эти люди были особой статьей в его восприятии мира. Большинство из так называемых стражей порядка Каратель считал абсолютно никчемными, жад-

ными, беспринципными и ленивыми людьми, но прекрасно понимал, что и среди этой толпы властолюбцев в униформе немало профессионалов, которые действительно любят свое дело и считают, что «вор должен сидеть в тюрьме», как утверждал киношный персонаж Жеглов. Таких полицейских он уважал, опасался и предпочитал держаться от них подальше. А еще Каратель был уверен, что если бы все полицейские были такими, то и его жизнь сложилась бы абсолютно по-другому и сейчас ему не пришлось бы вершить правосудие собственными руками.

Впрочем, об этом мужчина думал нечасто, воспринимая действительность такой, какой она была. Не думал Каратель и о том, что ему предстояло сделать. Он не имел никакого представления, как ведут себя другие люди в подобных ситуациях — продолжают ли те, кого потом назовут убийцами, прокручивать в головах продуманный сценарий, дрожат от нетерпения, предвкушая финал, или трясутся от страха из-за того, что все может пойти не так, как задумано. Мужчина просто шел к своей цели и думал о том же, о чем размышляют, например, те, кто отправился на работу: чем заняться в свободное время, какой длины лучше купить удочку или просто о красивой девушке, идущей впереди, — в общем, об обыч-

ных мелочах. Поскольку для Карателя то, что он собирался сделать, в чем-то и было работой. Точнее, долгом, который он обязан выполнить безусловно.

К проникновению в квартиру жертвы мужчина приготовился несколько дней назад. Он дал мальчишке-промоутеру тысячу рублей и забрал у него пачку рекламных листовок, а затем зашел в нужный подъезд с помощью универсального ключа к магнитному замку на двери подъезда и, чтобы никто не заподозрил истинную цель его визита, прошелся по всем этажам, засовывая листовки в щели квартирных дверей, лишь на пару минут дольше задержавшись около нужной, чтобы изучить замок. Камер видеонаблюдения в подъезде не оказалось, и это упрощало задачу, а справиться с дверным запором труда для него не составит.

Были опасения, что жертва может поднять шум до того, как он ее обездвижит. И чтобы упростить себе задачу, вчера Каратель заплатил местному алкашу, чтобы тот врезал в глаз жертве. Побои наверняка уже зафиксированы. Так что, если придется применить физическую силу, полицейские не будут интересоваться, откуда у жертвы под глазом синяк. Впрочем, мужчина надеялся, что до мордобития во время его визита дело не дойдет. Ну а остальное было уже делом техники. И Кара-

тель успеет и все обставить, как нужно, и объяснить своей жертве, за что именно ей придется умереть. Конечно, проще было бы проникнуть в квартиру заранее и ждать там, пока человек, приговоренный к смерти, вернется домой, но это предусматривало появление различных сторонних факторов, которые Каратель не смог бы контролировать. Например, внезапный визит родственников или друзей, протечка воды у соседа и куча всего другого, на что нельзя повлиять заранее. И именно поэтому приводить приговор в исполнение проще после того, как жертва окажется дома. Вот тогда фактор случайностей сведется почти до нуля. Да и к ним Каратель уже будет готов.

Как он установил после нескольких дней наблюдения, по вечерам наименьший период активности в доме, где проживала жертва, наступал в промежутке с восемнадцати тридцати до двадцати ноль-ноль. К этому времени почти все работяги, проживающие в многоэтажке, возвращались в свои квартиры. Уходили от подъездов и старушки, чтобы по привычке именно в это время поужинать, а заодно и посмотреть любимые вечерние передачи по телевизору вроде «Пусть говорят». А вот молодежь выползала из подъездов после двадцати часов, отправляясь по своим вечерним развлечениям. В общем, в выбранный Карателем пери-

од в любой подъезд этого дома можно было попасть, абсолютно не вызывая любопытства у тех, кто в нем живет. Но он из чувства перестраховки пришел к нужному дому минут на двадцать раньше нужного времени и устроился на скамейке в сквере поблизости, ожидая, пока настанет время икс.

Дальше все прошло, как и планировал Каратель. Он спокойно, без каких-либо внешних признаков волнения, выполнял то, что задумывал, и даже сердце в его груди не забилося ни на ритм чаще. Мужчина не спеша вошел в подъезд, поднялся на нужный этаж и, не попадая в поле зрения глазков на дверях соседей, залепил их кусочками скотча. На открытие дверного замка нужной квартиры он потратил не больше минуты и сделал это настолько бесшумно, что даже родным ключом открыть бы тише не получилось. А затем, на секунду застыв перед дверью и прислушиваясь к обычным звукам жилого подъезда, скользнул внутрь квартиры.

Хозяйка квартиры перед приходом Карателя решила принять душ и вряд ли бы услышала, как он входил внутрь, даже если бы мужчина не принял всех мер предосторожности. Он прислушался к шуму воды из ванной и удовлетворенно кивнул — так будет даже реалистичнее. Вероятно, жертва куда-то собиралась ■

уходить, и внезапное изменение обычных ее планов сыграет только на руку Карателю.

Мужчина бесшумно прошелся по квартире, осматривая обстановку. По большому счету она его не интересовала, но, пока жертва не вышла из ванной, нужно было занять чем-то минуты ожидания, и он решил сразу выбрать место, где будет поставлена финальная точка. Первоначально Каратель планировал использовать для этого ванную комнату, но обставить смерть можно было и романтичнее. Например, под красивой люстрой в спальне. Осматривая кровать, на секунду он застыл, поскольку вода в душе перестала шуметь, а затем так же бесшумно вернулся назад и занял позицию около двери в ванную. Через минуту женщина с полотенцем на голове вышла оттуда и удивленно уставилась на незнакомца.

— Вы кто? — моргая ресницами, поинтересовалась она, видимо, не успев испугаться.

— Чуть позже познакомимся, — пообещал Каратель и нанес жертве быстрый и короткий удар в шею, защемив один из ключевых нервных узлов.

У женщины закатились глаза, и она отшатнулась назад, падая. Однако долететь до пола мужчина ей не дал, аккуратно подхватив на руки. Он отнес свою жертву в спальню, положил на кровать и начал подготовку к исполне-

нию собственного приговора. На свет из небольшой сумки появились веревка, коробочка со шприцем, конверт с какими-то бумагами и диктофон. Аккуратно разложив все это рядом с жертвой, Каратель достал шприц и сделал женщине укол в ягодицу. После чего уселся рядом с приговоренной на кровати и стал ждать, когда она придет в себя. А когда женщина открыла глаза, Каратель проговорил:

— Ну вот! Теперь можно и познакомиться. А заодно и послушаешь мою историю. Я просто обязан тебе рассказать, за что именно ты сегодня сдохнешь!..

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Гуров включил вторую передачу и неторопливо поехал вдоль заброшенного здания на территории бывшей промзоны «Коровино». Судя по звукам, которые доносились изнутри, опергруппе захватить преступника сразу не удалось, и началась погоня. Из помещения выходов было не так и много, но все их успели заблокировать. Однако подробного плана здания полицейским так и не удалось найти, и, уже находясь на своем наблюдательном посту, сыщик заметил небольшой металлический мостик, который соединял крышу здания, где находился преступник, с соседним объектом, чем-то похожим на элеватор. Там наряд не поставили, и теперь подозреваемый, если он, конечно, знал об этой лазейке, мог оторваться от преследователей только по мостику.

Чтобы добраться до нужного места, Гурову понадобилось не больше минуты. Сыщик оставил машину так, чтобы сверху, с мостика, она не бросалась в глаза, а сам забежал внутрь

«элеватора» и застыл у единственной лестницы, которая вела на его крышу. И теперь, если преступник попытается скрыться именно этой дорогой, он выйдет прямо на Гурова. Усмехнувшись, сыщик достал из заплечной кобуры пистолет и посмотрел наверх, через лестничные пролеты, ожидая оттуда признаки движения. И Гуров не ошибся. Уже через пару минут сверху посыпалась пыль и мелкие камушки, а затем послышался звук шагов — кто-то бегом спускался вниз по лестнице. Сыщик нырнул за дверной пролет и вышел оттуда только тогда, когда подозреваемый мчался уже по последнему лестничному маршу.

— Странно. А в материалах дела нет информации о том, что ты занимаешься паркуром, — задумчиво проговорил Гуров, рассматривая преступника. — Или экстремальный бег по крышам и лестницам как-то по-другому называется?

Беглец резко затормозил на нижних ступеньках и посмотрел по сторонам, словно высматривая, что можно использовать в качестве оружия.

— Не надо, — фыркнул сыщик, покачав перед собой «макаровым» из стороны в сторону. — Я ведь выстрелю. Мне, конечно, придется написать парочку объяснительных и докладных, но тебе от этого легче не будет. Осо-